

Ли Ю.В.

ТИЛДИК ИМПЕРИАЛИЗМ ЗАМАНБАП МАССАЛЫК
МАДАНИЯТТЫН МААНИЛҮҮ ЭЛЕМЕНТИ КАТАРЫ

Ли Ю.В.

ЯЗЫКОВЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ КАК ВАЖНЫЙ
ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Yu.V. Li

LANGUAGE IMPERIALISM AS AN IMPORTANT
ELEMENT OF MODERN MASS CULTURE

УДК: 81.159.001/130.2.614

Улуттук тил ар кандай маданияттын эң маанилүү элементтеринин бири. Анын үстүнө, ал тургай маданияттын семантикалык бөлүгүнүн негизи болуп саналат, ал эми улуттук тилди жоготуу, чындыгында, улуттук маданияттын семантикалык парадигмасынын түп-тамырынан бери өзгөрүшүнө алып келип, ушул негизди жоготуу дегенди билдирет. Макалада тилдик империализм сыяктуу көрүнүштөр талданат, ал чындыгында адамдар сөз жөндөмүн тапкан учурдан башталган жана азыркы учурда да токтоп калбайт. Массалык маданияттын жана заманбап глобалдаштыруунун шарттарында, кээ бир тилдерди башкаларга сиңирүү процесси күчөп баратат, бул көптөгөн тилдердин, биринчи кезекте аз сандаган элдер катышкан тилдердин тез жана кайтарылгыс жоголушуна алып келет. Постиндустриалдык фаза же маалыматтык коом деп аныкталган социалдык-экономикалык өнүгүүнүн жаңы этабында, ар кандай маалыматтарды эң көп чыгарган элдер же көптөгөн калктар өз тилдерин сактап калууга чоң мүмкүнчүлүккө ээ болушкан.

Негизги сөздөр: тил, тилдик империализм, массалык маданият, ааламдашуу, маалымат коому, тилдердин жоголушу.

Национальный язык относится к одному из самых важных элементов любой культуры. Более того, он даже является основой смысловой части культуры, и утрата национального языка, по сути, означает потерю этой основы, приводящей к кардинальному изменению семантической парадигмы национальной культуры. В статье анализируется такое явление, как языковой империализм, который, по сути, начался с момента, когда люди обрели дар речи и не прекращается в настоящее время. В условиях же массовой культуры и современной глобализации процесс поглощения одних языков другими только усиливается, что приводит к стремительному безвозвратному исчезновению многих языков, в первую очередь тех, которые представлены немногочисленными народами. Человечество уже вышло на новую фазу общественно-экономического развития, определяемого как постиндустриальная фаза или информационное общество, когда сохранить собственные языки

имеют большую возможность те народы, которые продуцируют наибольший объем разнообразной информации или многочисленные народы.

Ключевые слова: язык, языковой империализм, массовая культура, глобализация, информационное общество, утрата языков.

The national language is one of the most important elements of any culture. Moreover, it is even the main semantic part of culture, so the loss of the national language means the loss of this basis, the national culture in fact, which is a fundamental change in the semantic paradigm of the national culture. The phenomenon of linguistic imperialism, which in fact began from the moment when people acquired the speech and go on up to date is analyzed in the article. The absorption of one language by another is increasing in the context of mass culture and modern globalization. It is the reason of the rapid and irreversible disappearance of many languages, particularly represented by small peoples. Humanity has already entered a new phase of social and economic development, defined as a post-industrial phase or information society, in which those peoples have a great opportunity to preserve their own languages that produce the most diverse information or numerous peoples.

Key words: language, language imperialism, mass culture, globalization, information society, loss of languages.

С того момента, когда на Земле возникли первые государства и цивилизации, человечество перешло к такой фазе своего развития, когда отдельные его части стали развиваться неравномерно: одни – более интенсивно, другие – менее, а третьи – находились в состоянии длительной стагнации. Сообразно такому положению вещей изменились характер и степень воздействия на друг друга различных народов. В условиях, когда последние находились практически непрерывной борьбы за лучшие территории и условия жизни, культура, трактуемая в самом общем смысле слова, неизбежно стала одним из эффективных средств данной борьбы, а такая важная, наиболее значимая составляющая культуры, как язык, с

необходимостью стала инструментом, с одной стороны, защиты собственной культуры, самобытности, собственной идентичности, а с другой – экспансионистской политики. Разумеется, для тех народов, которые осуществляли такую политику. И, таким образом, культура и язык, по сути, с самого своего их возникновения были, есть и будут в дальнейшем тем, что одни этнические и национальные общности настойчиво навязывать другим общностям, и параллельно тем, сохраняло и сохраняет своеобразие и уникальность различных народов. Культура и язык всегда были, есть и, несомненно, будут и в будущем той областью, сферой, которая характеризуется непрекращающимся противостоянием, противоборством, борьбой за умы и души людей, относящихся как к собственным, так и чужим общностям, народам. В данной связи следует сказать, что человек, как, впрочем, и любое другое живое существо, стремится не только к самосохранению, но и самоутверждению, которая является в конечном счете наиболее оптимальной или во всяком случае наиболее приемлемой, желательной им, благоприятной формой самосохранения. Одной из основополагающих черт всего живого является, по Ф. Ницше, воля к власти, по поводу которой он писал, в частности: «Если глубочайшая сущность бытия есть воля к власти, если удовольствие сопутствует всякому росту власти, а неудовольствие всякому чувству невозможности сопротивления, чувству невозможности одержать верх, можем ли мы в таком случае принять удовольствие и неудовольствие за кардинальные факты?.. Но кто хочет власти?.. Нелепый вопрос! Когда всякое существо само есть воля к власти, а следовательно, и чувство удовольствия и неудовольствия! И все-таки – оно ощущает нужду в противоположностях, в сопротивлении, т.е. относительно, в других единствах, стремящихся к расширению своих пределов» [1, с. 330]. Таким образом, воля к власти, как ее трактовал Ф. Ницше, – это основополагающая суть любого сущего, живого, всего, что жаждет жить, тянется к жизни. И воля к власти, само собой разумеется, присуща и человеку, который есть живое существо. Но в силу того обстоятельства, что он наделен разумом, сознанием, даром речи, данная фундаментальная черта, свойство воплощается в куда более сложной и многогранной форме, чем у более простых, примитивных существ, а именно через многоуровневую систему культурных связей, отношений и ценностей. И именно по этой причине воля к власти в коллективной форме, т.е. на уровне конкуренции различных этнических и национальных сообществ с необходимостью обретает форму состязания, борьбы

культур, когда каждое из сообществ стремится, во-первых, сохранить себя и, во-вторых, неизбежно взять верх над другими, конкурирующими, сообществами, и при этом своего рода орудием выступает культура и, как уже было сказано выше, такой важнейший ее элемент, как язык, без которого невозможно формирование сознания. Учитывая тот факт, обстоятельство, что каждая отдельно взятая личность стремится сохранить не только жизнь, но и собственную индивидуальность, самость, а также то, что она не может сделать это, будучи не включенной в определенной этническую или национальную общность, которая так или иначе, но находится в конкурентной борьбе с другими общностями, культура становится тем, что защищает в ментальном отношении как отдельную личность, так и общность в целом. С другой стороны, культура, подобно обоюдоострому мечу, является тем, что может быть использовано (и на деле часто используется) в качестве наиболее действенного средства для ассимиляции одной общности другой, как правило, более многочисленной либо могущественной в каком-либо отношении. При этом одним из основных инструментов ассимилятивной политики является, как показывает практика, язык.

Сохранение самобытности, самости, собственного облика той или иной общности на деле осуществляется путем сохранения собственной культуры, которая свою высшую форму, согласно Г. Гегелю, обретает в условиях государства, государственного бытия. Государство, как определил его немецкий философ, есть «общая духовная жизнь, к которой индивидуумы относятся с доверием и привыкают от рождения и в которой выражаются их сущность и их деятельность» [2, с. 148], «... форма, которая является полной реализацией духа в наличном бытии...» [2, с. 70]. Очевидно, что такое понимание сущности государства выражает в конечном счете естественную внутреннюю потребность, стремление какого-либо конкретного сообщества – этноса, народа, нации и т.п. – сохранить себя не только как физическую, но и духовную, ментальную и культурно-историческую данность. Такое стремление серьезно актуализируется в условиях конкурентного сосуществования, а культура и язык, на котором она формируется, становятся важнейшим условием сохранения каждого отдельного народа. Однако поскольку народы, как мы неоднократно подчеркивали, находятся в состоянии взаимной конкуренции и по-настоящему заинтересованы главным образом в самосохранении, то конкурентная борьба неизбежно принимает, учитывая все вышесказанное, форму культурной экспансии или,

что то же самое, культурного империализма, исходящего от более успешных, преуспевающих народов. Если обратиться к истории, то мы легко увидим, что территориальная экспансия часто сопровождалась культурной и языковой экспансией. Последняя практически всегда имела место, когда пришлые народы стремились если не навсегда, то во всяком случае на очень долгое время закрепиться на завоеванных территориях. Пожалуй, наиболее ярким примером такой захватнической политики, в которой успешно сочетались военная, экономическая, культурная и лингвистическая ее составляющие, является многовековая история и политика Римской империи. Используя первоначально мощь своих легионов, Рим захватил и подчинил себе огромные территории. Затем, чтобы основательно закрепиться на новообретенных землях, он стал прибегать к разнообразным средствам. Как справедливо указывает авторитетный специалист по истории Рима Т. Моммзен, «были многие народы, умевшие так же побеждать и завоевывать, как римляне; но ни один из них не умел подобно римскому закрепить вновь приобретенную землю в поте своего лица и вторично завоевывать плугом то, что было завоевано копьем... В господстве над землей проявляется сила и частного человека, и государства, а величие Рима было основано на самом широком и непосредственном владычестве граждан над землею и на тесно сомкнутом единстве такого прочно привязанного к земле населения» [3, с. 201]. В связи с приведенной цитатой будет уместным указать на то, что первоначально латинское слово «cultura» означало возделывание (земли), а позднее оно, обрастая новыми смыслами, стало означать воспитание, образование, почитание, развитие [4].

Что же касается культурного воздействия, то современный Западный мир и культура во многих отношениях является порождением и продолжением Римского мира и культуры. Римское государство, как пишет В. Дюрانت: «... сформировало величественную систему права, которая чуть ли не по всей Европе обеспечивала безопасность жизни и имущества, стимулировала и поддерживала устойчивость производства от децемвиров до Наполеона. Оно создало правительство, основывавшееся на разделении законодательной и исполнительной властей, и эта система сдержек и противовесов вдохновляла творцов конституций в эпоху Американской и Французской революций. ... Рим... обогатил мир благодаря пользующейся безопасными морями коммерции и сети прочных дорог, ставших артериями энергичной жизни. По этим дорогам и через тысячи стройных мостов в

средневековье и новое время перешли античные технологии земледелия, ремесленного производства и искусства, наука монументального строительства, банковские инвестиционные операции, организация медицины и военных госпиталей, городская санитария... Даже секрет центрального отопления пришел на холодный север с жаркого юга. Юг творил цивилизации, Север их покорял, уничтожал или заимствовал» [5, с. 719-720].

Вместе с римской культурой на подчиненные территории неизбежно проникал и основательно закреплялся латинский язык, который «в силу восхитительнейшей порчи стал речью Италии, Румынии, Франции, Испании, Португалии и Латинской Америки; половина мира белого человека говорит на языках, происходящих из латыни» [5, с. 720]. Следует, однако, заметить, что предки румын, французов, испанцев и португальцев до того, как их земли захватили римляне, говорили на языках, которые даже не были сколько-нибудь родственными латинскому.

Примером несколько иного рода может служить история Китайской империи, которая, как известно, несколько тысячелетий формировалась таким образом, что преимущественно культурно и лингвистически ассимилировала и поглощала народы, завоевывавшие либо подчинявшие себе Китай. Одним из таких последних фактически поглощенных народов стали маньчжуры, насчитывавшие по переписи 2010 года более десяти миллионов человек [6].

Многие и многие века различные народы, движимые желанием выжить и утвердиться на землях, наиболее благоприятных для жизни, занимались тем, что захватывали территории у других народов, истребляя последних либо культурно и лингвистически ассимилируя их. В современном же мире, в котором свободных территорий уже нет, а любой их передел встречает настолько значительные препятствия и сложности, что практика захвата чужих территорий теряет смысл, что, однако, только стимулирует политику и практику культурного и языкового империализма. Последнее обстоятельство объясняется тем, что принципы, на которых осуществляются взаимоотношения между народами и государствами, не претерпели существенных изменений, поскольку основываются на природной сущности человека, о которой мы уже говорили выше, ссылаясь на философию Ф. Ницше. И именно эти принципы предполагают продолжение культурной и лингвистической экспансии или империализма. Современная эпоха не внесла ничего нового в данные принципы, однако преобразовала форму и существенно интенсифицировала

процессы, связанные с культурным влиянием, что обусловлено бурным развитием технологий и различных систем связи. Переживаемый в настоящее время научно-технический прогресс, с одной стороны, существенно ускорил по всей планете все социально-экономические, а с ними неизбежно и культурные процессы, а с другой – сделал глобальное культурное пространство куда более прозрачным, проницаемым, чем в прежние эпохи. Массовая культура, возникшая в эпоху промышленной революции, раннего капитализма, стала в настоящее время доминирующей на планете, благодаря уже информационной революции, о которой, в частности, В.Г. Кувалдин пишет следующее: «Информационная революция (ИР), базирующаяся на соединении компьютера с телекоммуникационными сетями, коренным образом преобразует человеческое бытие. Она сжимает и пространство, открывает границы, позволяет устанавливать контакты в любой точке земного шара. Она превращает индивидов в граждан мира. Под воздействием ИР формы пространственно-временной организации социальных связей и отношений претерпевают глубокую трансформацию. Пространство частной и публичной жизни обретает третье измерение, меняющее привычную систему координат. Из плоского оно становится сферическим, позволяющим прокладывать новые пути, быстро и легко налаживать коммуникацию между различными частями земного шара... Мир без границ, где утрачивают былое значение территории и расстояния, начинает обретать реальные очертания. В новом социальном пространстве время ускоряет свой бег. То, на что раньше уходили месяцы и годы, можно сделать за считанные дни. Процесс социального взаимодействия интенсифицируется, приобретает невиданную ранее динамику. Пространство общественного бытия уплотняется и перемешивается, становясь более однородным» [7, с. 31]. Приведенная цитата во многих отношениях интересна и показательна. А констатация того, что пространство общественного бытия уплотняется и перемешивается, становясь более однородным, означает на деле в условиях продолжающегося империализма, что многие культуры и языки просто на просто исчезают. Еще в конце семидесятых годов XX века основатель небезизвестного Римского клуба Аурелио Печчеи, который одним из первых ученых исследовал и выстроил глобальную модель развития человечества писал, что «защита и сохранение культурных особенностей народов и наций совершенно справедливо объявлены... ключевым моментом человеческого прогресса и самовыражения. ... люди начинают все больше

опасаться, что в будущем все культуры могут оказаться на одно лицо – причем лицо, как показывает сегодняшний опыт, не слишком уж привлекательное – и что движение к обезличивающей однородности происходит уже сейчас» [8, с. 294]. А. Печчеи, захвативший, по сути, только начало информационной эпохи, этапа развития человечества, тем не менее, указывал еще в 1977 году, что «дальнейшее развитие технологической цивилизации, экономический рост, возрастающая мобильность людей... расширение средств массовой информации – все это сулит в будущем исполнение мрачных пророчеств окончательного и безжалостного исчезновения с лица земли львиной доли того, что еще осталось от свидетельств веры, любви, эмоций, гордости, чувства прекрасного и стремления к добру прошлых поколений» [8, с. 298].

Следует уточнить, что однородное, постоянно уплотняющееся социально-культурное пространство, о котором упоминал В.Г. Кувалдин, на деле вовсе не означает тотально однородного пространства. Однако оно, безусловно, предполагает наличие в нем достаточно ограниченного числа современных культур, присутствие в нем культурных элементов наиболее преуспевших в технологическом отношении и, естественно, многочисленных народов, а таковых, как известно, не так много. Массовая культура, которая, собственно, и формирует это культурно однородное пространство, основывается на рыночных отношениях и принципах, которые предполагают строгую и жесткую ориентацию на потребление и потребителей, и именно по этой причине количественный фактор становится в условиях массовой культуры, по сути, определяющим и ее качество. А однородность культурного пространства, стремительно формируемого в настоящее время пределах планеты, означает помимо всего прочего столь же стремительное и решительное вытеснение из этого пространства культур, не способных по тем или иным причинам составить конкуренцию более напористым и успешным культурам. Не приходится сомневаться в том, что оно будет состоять из относительно большого количества современных культур, представляя собой их комбинацию, сплав, сочетание. Однако не приходится сомневаться и в том, что значительное число из существующих на сегодняшний день культур уже в обозримом будущем будет представлено в глобальной культуре весьма незначительно, что с достаточной очевидностью прослеживается на таком трагическом, по сути, процессе, как исчезновение многих языков. В соответствии с проведенными исследованиями в текущем 2020 году на планете насчитывалось 7117 языков на 2020 год,

при этом бурное развитие различных систем коммуникаций привело к тому, что количество живых языков уменьшается в настоящее время в среднем по одному языку за две недели. На сорока языках, имеющих наибольшее распространение, общается приблизительно две трети населения планеты. На сегодняшний день около 400 языков относятся специалистами к категории исчезающих языков. Одной из причин вымирания языков является сравнительная немногочисленность их носителей. Однако основной причиной, причем со все возрастающей очевидностью, являются два взаимосвязанных процесса – глобализации и миграции. Предполагается, что уже к середине текущего века примерно половина из существующих в настоящий момент языков прекратят свое существование [9].

Проблема вымирания языков трагична и, с другой стороны, весьма важна, поскольку, во-первых, язык является основополагающей составляющей любой культуры, и его исчезновение является, в сущности, ментальной катастрофой для народа – его носителя. Во-вторых, исчезновение языка того или иного народа далеко не всегда означает исчезновение этого народа, но непременно ведет к тому, что он, утратив родной и обретя новый язык, приобретает вместе с ним и «новое» сознание, поскольку язык является основным инструментом при его формировании и функционировании, деятельном существовании, и специфика языка во многом образует специфику сознания как отдельной личности, индивида, так

и народа в целом. И, собственно, по этой причине утрата собственного языка означает как по сути, так и формально, утрату аутентичного, исконного сознания. И, в-третьих, смена языка в современную эпоху происходит в форме распространения массовой культуры, активной вытесняющей традиционные культуры, и основными генераторами массовой культуры являются, как мы указывали выше, наиболее развитые в экономическом отношении и многочисленные народы, осуществляющими политику языкового империализма.

Литература:

1. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. - М., 1994. - С. 330.
2. Гегель, Г. Философия истории [Текст] / Г. Гегель. - М.: Мысль, 1990. - 524 с.
3. Моммзен, Т. История Рима [Текст] / Т. Моммзен. - Т. 1. - Кн. 1. - М., 2002. - 640 с. С. 201.
4. Культура [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Культура>
5. Дюрант, В. Цезарь и Христос [Текст] / В. Дюрант. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. - 736 с.
6. Маньчжуры [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Маньчжуры>
7. Кувалдин, В.Б. Глобализация – светлое будущее человечества? [Текст] / В.Б. Кувалдин // НГ-сценарии. - М., 2000. - № 9. - 11 октября. - С. 25-37.
8. Печчеи, А. Человеческие качества [Текст] / А. Печчеи. - М. Издательство: Прогресс, 1985. - 312 с.
9. Языки мира [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Языки_мира.